

ПСИХО
КИНЕТИКИ-2
РОМА НЬЮМАН

Рома Ньюман

Психокинетики-2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39411202

ISBN 9785449374363

Аннотация

Продолжение супергеройского романа «Психокинетики». Враг повержен, но враг – ложный. Теперь героям предстоит разобраться в хитросплетениях глобального заговора, частью которого они стали, и в себе самих. Очередные опасности. Новые способности. И одна угроза на всех.

Содержание

Глава первая.	7
Глава вторая.	67
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Психокинетики-2

Рома Ньюман

© Рома Ньюман, 2020

ISBN 978-5-4493-7436-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая.

Постапокалипсис

Приближение. Счастье.

*Вникни в оракул, и от изначальной вечной
стойкости хулы не будет.*

Не лучше ли сразу прийти?

Кто опоздает, тому – несчастье.

«Книга Перемен»,

восьмая гексаграмма «Би»

Черный внедорожник BMW ехал по проселочной дороге, вдоль которой тянулась стена соснового леса. Левое крыло баварского монстра освещали яркие лучи утреннего солнца. Из-под колес валила пыль, плотным ковром оседая на кузове автомобиля.

Машина плавно свернула налево и, проехав еще несколько метров, остановилась на краю вытоптанной поляны. Водитель заглушил двигатель и распахнул дверцу.

Из салона BMW выбрался Артур Волжанский. Он был одет в темно-синий костюм-тройку, бордовую рубашку и галстук в тон. На ногах – щегольские туфли из коричневой кожи.

Артур Валентинович снял солнцезащитные очки и критическим взглядом осмотрел место, в котором оказался. На смуглом лице ясно читалось, насколько не по душе ему

пришлась поездка за город.

Прямо посередине поляны стоял старый армейский вагон без колес. Раньше это был кунг машины обеспечения боевого дежурства военных подразделений. А сейчас – просто большая коробка, оконные проемы которой были зашиты металлическими листами. Краска некогда защитного цвета во многих местах потрескалась, напоминая о безграничной власти времени над материей.

Каким именно образом творение военно-промышленного комплекса оказалось на опушке леса, Артур Валентинович не имел ни малейшего представления. Однако совершенно точно знал другое: в подобном вагоне, даже отрезанном от основных сил подразделения, вполне себе можно жить.

Поежившись от утренней прохлады, Волжанский спрятал очки в карман и достал из ниши в дверце автомобиля коричневый пакет. Внутри угадывался контур стеклянной бутылки. Хлопнув дверью, мужчина направился к входу в армейский кунг.

Обойдя чуждое лесной местности строение, он очутился в импровизированном кемпинге на одну персону.

Окно на лицевой стороне вагона также было заварено листом металла. Над дверным проемом висел широкий козырек из старой армейской плащ-палатки. У левого края вагончика тихонько гудел компактный генератор, а чуть поодаль потрескивали на костре сухие сосновые ветки. Над пламенем на самодельных зажимах висела объемная турка, почти

до краев наполненная черным кофе.

В паре метров от кострища был установлен самопальный турник. А в тени высоких сосен расположился самый настоящий вигвам, скрученный из множества армейских палаток, подобных той, что висела над входом в кунг.

Также на просторной площадке имелась выдавшая виды макивара классического образца: вкопанный в землю широкий деревянный брус, верхняя четвертина которого обмотана веревкой.

Хозяин сего жилища находился тут же. Это был худой мужчина, на вид лет сорока пяти. Его вытянутое лицо со впалыми щеками носило явные признаки пронизательного ума, а также пристрастия к алкогольным напиткам. Длинные седые волосы были небрежно зачесаны назад, выставляя напоказ высокий лоб. С жилистой шеи свисали тонкая серебряная цепочка и простецкий черный шнурок с защитным кулоном – китайский иероглиф «кузнечик».

Несмотря на сентябрьскую свежесть, мужчина был одет в мятую льняную рубашу навыпуск, легкие светлые брюки и сандалии на босу ногу. Удобно развалившись на пластмассовом стуле, он музицировал на деревянной флейте, абсолютно не обращая внимания на появление Артура Валентиновича.

Человека звали Давид Карадин, и в былые времена он слыл воплощением гедонизма. Когда в начале «нулевых» на него вышел Волжанский, Давид возглавлял неформаль-

ное движение, отдаленно напомилавшее секту.

Обитая в огромной пятикомнатной квартире в центре Москвы, музыкант и художник вел богемный образ жизни, сожительствуя сразу с пятью женщинами. Все они перманентно находились под воздействием алкогольных напитков, легких наркотических веществ и философских доктрин, являвшихся гремучей смесью буддизма и даосизма. Жилище их напоминало китайскую опиумную курильню, где дым стоит коромыслом двадцать четыре часа в сутки.

Внимание Артура Валентиновича, в тот момент активно возрождавшего эзотерические исследования в недрах ФСБ, привлекла способность Давида от случая к случаю окунаться во временной поток, созерцая размытые образы грядущего.

Помимо всего прочего, Давид оказался весьма проницательным *сенсором*. По желанию он подключался к той сущности, которую сам же окрестил *Ku-полем* Земли. Насколько понимал данную концепцию Волжанский, экстрасенс вел речь об энергоинформационном пространстве планеты.

Когда в размеренный, полный плотских утех и восточной философии ритм жизни Давида вмещалась ФСБ, перед элитарным художником и немного музыкантом встал непростой выбор. Или он отправляется дегустировать баланду в места не столь отдаленные за организацию притонов и прочие сопутствующие правонарушения, или слегка утихомиривает свой сладострастный нрав, параллельно оказывая консультационную помощь органам безопасности. Разумеется, дитя

мира выбрало второй вариант.

По своей натуре Давид никогда не был воином. В большей степени он являлся творцом, и Волжанский это прекрасно понимал. Он ни разу не задействовал расслабленного мистика в каких-либо секретных или боевых операциях, однако возложил на него обязанность разрабатывать методические и практические рекомендации по развитию экстрасенсорных способностей у сотрудников силовых ведомств. Насколько товарищ Давид преуспел в этом деле, сейчас сказать уже было сложно. Однако не раз и не два его умение скользить во временных потоках помогало Волжанскому при принятии важных решений.

Когда в начале нынешнего тысячелетия Артур Волжанский отошел от практической работы и переключился на руководство и разработку проекта «Вечный», он позволил Давиду затеряться в толпе, ни на мгновение, однако, не теряя мощного телепата из виду.

Давид же к тому времени пересмотрел свое мировосприятие и полностью отверг прежний распутный образ жизни столичной богемы, удалившись из суетной Москвы. Экстрасенс ушел в лес, ища очищения через аскезу, и был вполне счастлив, зарабатывая необходимые для жизни средства написанием экспрессивных картин.

Целыми днями он практиковал цигун и тай-цзи цюань на открытом воздухе, занимался искусством, усиленно изучал такие фундаментальные трактаты, как «Дао-дэ цзин»

и «И-Цзин». Порой предавался медитации в самолично изготовленном вигваме, наблюдая события грядущих или же давно минувших дней.

Стоит заметить, духовные изыски отнюдь не стали преградой для некоторых из старых привычек провидца. Он потреблял солидное количество дорогого алкоголя, который, по его собственным словам, позволял держать сознание в «неизменно измененном состоянии».

Волжанский по старой дружбе периодически пользовался услугами экстрасенса, а после ухода со службы в органах и вовсе приобщил к своему делу.

Артур Валентинович терпеливо дожидался, пока Карадин закончит свои музыкальные упражнения, наблюдая за тем, как длинные пальцы, увешенные многочисленными перстнями и кольцами, перебирают по отверстиям деревянной блокфлейты. Музыкант-отшельник исполнял очень мягкую, кантиленную мелодию, казавшуюся Волжанскому задумчивой и медитативной.

Завершив перформанс, Давид положил духовой инструмент на колени, довольно посмотрел на гостя и приветливо улыбнулся. В его глубоких темных глазах гармонично сосуществовали мудрость и алкогольная муть. Расслабленная улыбка причудливо блуждала по умному лицу.

– Доброе утро, Артур. Я очень рад, что ты приехал меня навестить.

Речь и движения экстрасенса были настолько плавными,

несуетливыми и текучими, что, казалось, такое понятие, как время, утратило для него всякое значение.

– Привет, Давид, – кивнул Волжанский. – Как обычно: ты позвал – я примчался.

Не прекращая улыбаться, Карадин кивнул. Только раз и очень-очень плавно.

– Ты выглядишь расстроенным. Что с тобой приключилось?

Два часа назад Волжанский узнал, что в собственном доме оказался особым образом ликвидирован Всеволод Петрович Сухоставский. По целому ряду причин сей факт крайне огорчал Артура Валентиновича, но обсуждать это с пьяным музыкантом-художником не было ни малейшего желания.

– Не выспался. Тебе разве не холодно в одной рубашке и штиблетах?

Давид вздохнул полной грудью, широко развел руками.

– Меня согревают солнце, ветер и земля.

– Ага, – криво ухмыльнулся Волжанский. – Знаю я, что тебя согревает.

Он подошел ближе и протянул коричневый пакет. Экстрасенс достал из него бутылку виски Jack Daniels, сноровисто отвинтил крышку и сделал глубокий глоток. Чуть поморщившись, удовлетворенно кивнул.

– Бесподобно. Ты всегда был щедрым человеком, Артур, – нараспев похвалил Давид. – Но и я в долгу не останусь.

Карадин поставил бутылку на землю, поднялся на ноги.

Он оказался почти на голову выше далеко не низкорослого Артура Валентиновича. Положив флейту на старый, с проржавевшими ножками столик, Давид плавной походкой перетек к костру. Кофе в турке как раз начал закипать.

– Специально для тебя я приготовил свой фирменный кофе. Он пробуждает ци и повышает восприимчивость материального мира.

– Мне вообще-то некогда чай гонять. До Москвы путь неблизкий.

– Но и недолгий тоже.

Давид откручивал штативы, удерживавшие турку высоко над пламенем костра.

– Не совершай ошибку современников, Артур – не торопись. Твой ритм и так ускорен до предела. Ты расточаешь энергию на реализацию амбиций и удовлетворение алчности – это прямой путь к истощению.

По лицу Волжанского пробежала едва заметная ухмылка.

– Однажды я тоже усядусь в шезлонге с бутылкой вискаря.

– Нет, не усядешься. – Держа турку в руке, Давид вновь приветливо улыбнулся. – Пошли в дом. Мне есть о чем поведать.

Всякий раз, когда Артур Валентинович оказывался в обществе провидца-алкоголика, казалось, будто он менял пласт мировосприятия, увязая в тяжелых песках времени. Рядом с Давидом минуты теряли смысл, а рассудок затуманивал флер блаженной беспечности.

Они переступили порог жилища, оказавшись в мистическом полумраке. После яркого солнца двух мутных ламп на потолке было явно недостаточно.

Волжанскому показалось, будто он ступил в какую-то пещеру. В кунге царил беспорядок, щедро приправленный чертовщиной. Словно келья жреца, в течение дня совершающего полдюжины жертвоприношений, а поутру неизменно просыпающегося с диким похмельем. Одноместная кровать вдоль стены, изголовьем припадающая к старому деревянному столу. Скомканное белье. Хаотично разложенные стопки книг с драными обложками. Старый, с давно утерянным аккумулятором ноутбук на узкой столешнице. Его провод тянулся к фильтру на полу, подключенному, очевидно, к генератору. Стул аналогичной степени древности, на который мог присесть разве что искатель приключений. Покрытая грязными отпечатками пальцев антресоль. «Плечики» с немногочисленными брюками, рубашками и пиджаками экстрасенса простежки висели на гвоздях, тот тут, то там вбитых в стену.

По большому счету, сим и ограничивалось бытовое богатство психокинетика. Все остальное пространство занимала непостижимо разношерстная эзотерическая атрибутика, присущая по меньшей мере десятку культур со всего света.

В силу профессиональной деятельности Артур Валентинович порядочно повидал самых разных мистиков. Вопреки расхожему мнению, большинство из них либо крайне

редко задействовали в практике аляповатую мишуру, либо не использовали ее вовсе. Многие признавали: переливающий всеми цветами радуги шар для гаданий или пирамидки из кварца – лишь пыль, которую пускают в глаза доверчивым клиентам.

Однако попадались и те экстрасенсы, кто искренне верил в необходимость применения всех этих символов, тотемов и магических талисманов. Поэтому Волжанский был немногосведущ в данном вопросе.

Стену напротив входа украшал огромный, выведенный красной краской анкх – египетский символ мудрости. На внутренней стороне двери красовалась звезда Давида, повсюду висели альбомные листы с рисунками из сакральной геометрии, от которой у Волжанского кружилась голова. «Ловцы снов» североамериканских индейцев соседствовали с тотемами якутских шаманов.

Логово Давида являло собой миниатюрный эзотерический анклав, существующий на стыке всевозможных культур. Провидец не принадлежал ни к одной философско-религиозной школе, но легко ориентировался в большинстве из них. Карадин не противопоставлял одну религию другой, полагая, что все они – лишь разные стороны единой горы.

– Что случилось ночью в столице, Артур? – спросил Давид.

Он достал с антресоли белую кружку, наполнил ее кофе и протянул Волжанскому. Гость принял ее машинальным

движением, пристально глядя на мистика.

– Я думал, ты мне расскажешь.

– Мне известно лишь о двух событиях, которые даже с натяжкой нельзя назвать благоприятными. – Карадин подвинул Артуру Валентиновичу стул. – Присаживайся.

Волжанский сел, ожидая продолжения рассказа. Давид подлил в свою кружку солидную порцию виски.

– Две мощнейшие вспышки ци. Первая пронеслась по всей планете, вызвав колебания в *Ku-поле* Земли. Откровенно говоря, мне понравилось то, что я ощутил. Нас всех – я говорю о телепатах – коснулся дерзкий *шэнь* раба, наконец сбросившего внутренние оковы.

Давид отхлебнул виски с кофе и спросил:

– Так что сотворил Кравчук?

Волжанский задумчиво поглядывал на черный, как нефть, напиток в кружке.

– Полагаю, ночью он убил человека.

– Да-а, – медленно кивнул Давид. – Для этой цели наш подопечный сгенерировал колоссальный пучок энергии. И сила его произрастала из артефакта. Их связь стала прочнее. Подобное взаимопроникновение уникально – артефакт питал Кравчука, а ци, выделенная Александром для уничтожения врага, пробуждала артефакт.

Плавным движением Давид указал на черно-белый символ «Инь-Ян», украшавший стену.

– Вот чем они становятся! Тай-цзи – «Великий Предел».

Коллаборация живого и неживого. Человеческое существо плюс мистический артефакт. – Он наставил указательный палец на Артура Валентиновича. – Их объединение означает конец твоего пути.

Волжанский спокойно почесал бровь.

– Конец моего пути... Понятно. А что за вторая вспышка?

– Всплеск ци артефакта. Он преобразился, изменив свои свойства.

– То есть я проиграл?

– Нет, Артур. Время еще есть. Твой путь закончится, только когда Кравчук обретет себя.

– Хватит уже повторять про мою кончину! – повысил голос Волжанский.

– Конец пути не означает смерть.

– Тогда что, черт возьми, это означает?!

– Кравчук возвысится, ты – падешь.

Волжанский вздохнул.

– Ты хоть представляешь, как иногда трудно понять твои дзен-метафоры?!

Давид равнодушно пожал плечами.

– Ты сам пришел ко мне.

– Да-да, – рассеянно кивнул Артур Валентинович.

– Не только я ощутил ночные возмущения. По *Ки-полю* идет рябь. Телепаты всей планеты обеспокоены. Себя проявил психокинетик колоссального потенциала. Открылось местоположение вместилища космических сил. Вкупе с ис-

терией вокруг «прецедента Анжелики» это сослужит нам дурную службу.

– В каком плане?

– Необходимо уяснить, что отныне не ты один захочешь овладеть артефактом Кравчука. Оккультисты, мистики, экстрасенсы – все двинутся на Москву. Они явятся – и столица станет центром притяжения эзотерических сил.

– Замечательно, – вздохнул Волжанский. – Цирка уродов нам еще только не хватало. Что мне делать дальше?

– Поспешать. Пока Кравчук не осознает связи с артефактом. Но очень скоро для него все станет ясно. Тебе необходимо любыми путями *разорвать круг*. В противном случае последствия будут самыми непредсказуемыми.

– Как мне это сделать?

Давид внимательно посмотрел на своего гостя, затем поднялся и прошел через весь вагон к накрытому мольберту.

– Я обратился к «Книге Перемен». И вот что получил.

Прорицатель скинул покрывало с холста. На белоснежном листе бумаге черной краской был выведен изящный китайский иероглиф, а рядом – шесть горизонтальных черточек, расположенных друг над другом. Пять из них были сплошными, а верхняя, шестая, – прерывистой.

– Что это? – спросил Артур Валентинович.

– Гуай. «Выход». Сорок третья гексаграмма «И-Цзин». Пять сильных черт говорят о небывалом накоплении внутренних сил. То, что готовилось вырваться уже очень давно.

А шестая, слабая черта символизирует высокую вероятность высвобождения. Вода, переполнившая сосуд.

– Кравчуку удастся постичь артефакт... – тяжело вздохнул Волжанский.

Карадин задумчиво вздохнул, глядя куда-то вглубь себя.

– Тебя это тревожит?

Артур Валентинович фыркнул, покачав головой.

– Ты чуть ли ни прямым текстом говоришь о моем поражении. Это, знаешь ли, немного дезориентирует!

Провидец неторопливо отхлебнул из кружки.

– Я рассказывал тебе историю о Мастере и тени тигра?

Волжанский отрицательно покачал головой.

– Однажды к Мастеру прибежали жители его деревни, – театрально растягивая речь и подкрепляя ее плавной жестикуляцией, начал Карадин. – Они явно были чем-то напуганы: волосы на голове всклокочены, глаза округлены, одежда – первое, что успели схватить. «Мастер, Мастер, – галдели они. – Нужно срочно спастись бегством! В нашу деревню идет огромный тигр!» Мастер прекрасно видел, насколько перепуган его народ. Но, прежде чем самому поддаться страху, он захотел лично убедиться в их словах. «С чего вы это взяли?» – спросил Мастер. «Мы видели его ужасную тень на въезде в деревню». Вооружившись копьем, Мастер отправился к воротам деревни. Там он действительно увидел огромную тень, похожую на тигриную. Она скакала по отвесной горе – будто зверь мчался по дороге. Не ведая страха,

Мастер вышел за ворота, готовый встретиться лицом к лицу с опасным животным. Но пройдя чуть дальше, он обнаружил, что тень эта – от зарослей бамбука, колышущихся в лучах закатного солнца. Никакого тигра, разумеется, не было и в помине. – Закончив говорить, Карадин расслабленно похлебывал кофе. – Знаешь, какова основная мысль этой истории? – Он подался вперед, демонстрируя хитринку в опьяненных глазах. – Не нужно бояться тени тигра, который еще не пришел.

Давид сделал паузу, давая Артуру Валентиновичу возможность принять посыл.

– У тебя остались рычаги давления – используй их.

Волжанский хмыкнул.

– Мой последний «рычаг давления» – это бульдозер, который все раскурочит. Пока что мы работали тонко и держались в стороне. А теперь мне придется действовать в лоб...

– Дипломатия сменяется тактическими операциями, инь переходит в ян – таков наш мир, – пожал плечами Давид. – Бывает, что прямая – и впрямь кратчайшее расстояние между двумя точками. Не бойся рисковать, когда на кону большие ставки.

Артур Валентинович молчал, погрузившись в свои размышления. Давид скатал лист ватмана с гексаграммой, протянул Волжанскому.

– Пусть будет у тебя. В качестве напоминания. Рискуй, Артур. Самое время выйти за ворота.

Александр приходил в себя крайне медленно и вязко. Он просыпался, не имея никакого представления о том, где находится и сколько сейчас времени. Зыбкая пелена сна отпускала нехотя. Присутствовало осознание того, что стоит только открыть глаза, как физическая немощь неприятно подменит собой расслабляющий пофигизм сновидений.

Так и произошло. Увидев белый потолок над головой, Кравчук рывком сел, болезненно поморщился от подкатившей тошноты. Он задержал дыхание, пережидая неприятные позывы. Голова кружилась, в висках ныла тупая боль.

Осторожно повертев головой, Александр осмотрелся. Ковер на стене, телевизор с выдернутой вилкой, старый трельяж. Рядом с диваном, на котором он сидел, – разобранная кровать. Кравчук узнал квартиру Юлии Сотниковой.

Из-за закрытой двери доносились приглушенные голоса.

Александр посмотрел на часы. Полдень с мелочью. Он был в отключке около десяти часов. Бог знает, что могло произойти за такой период.

Тошнота отступила. Избегая резких движений, Кравчук поставил ноги на пол. На себе он обнаружил пыльные черные брюки и майку. Берцев и куртки от комбеза поблизости видно не было.

Александр встал. Тело казалось ватным и истощенным, суставы ныли, будто в один миг он состарился сразу на полвека. Ночная вылазка влетела в копеечку. Организм израс-

ходовал слишком большой запас психических сил. Восстановление потребует длительного времени, которого в данный момент, возможно, у него не было.

Кравчук открыл дверь, вышел в маленькую прихожую, от туда – на кухню. При его появлении все замолчали.

Мама и Юлия сидели за столом. У каждой в руке дымилось по сигарете. Сотникова казалась жутко утомленной. Глаза в красных прожилках, осунувшееся лицо – все в ее облике говорило об отсутствии ночного сна.

Тамара Валерьевна выглядела посвежее. Ей удалось перехватить несколько часов на кровати Юли. Тем не менее сильное эмоциональное потрясение заметно вымотало и ее.

Сергея стоял возле раковины, скрестив руки на груди. Он пытался бодриться, но при взгляде на него становилось понятно: младший брат ночью не отдыхал. Ко всему прочему на его левой щеке расплылся тусклый синяк.

– Бандитская пуля? – кивнул Александр. Он просто не имел сил для большего проявления сочувствия.

– Видел бы ты второго, – слабо улыбнулся Сергей.

Мать бросила сигарету в пепельницу, поднялась с табурета, повисла на плечах сына. Александр крепко ее обнял. Посмотрел на Сотникову. Между ними возник безмолвный контакт, как у людей, разделивших одну тайну на двоих.

Александр помнил о своей ночной слабости; помнил, как рыдал в объятиях девушки. Надеялся, что Сотникова не выведет его на разговор об этом. По крайней мере, не в бли-

жайшее время.

– Ты как, мам? – спросил он.

Тамара Валерьевна выпустила сына из объятий, тихонько кивнула:

– Получше. Юля приготовила чудесную настойку – я даже не помню, как легла в кровать.

Александр повернулся к брату.

– К тебе тоже приходили?

– Да, посетители были.

– Все в порядке?

– Я объяснил им, что ребятки ошиблись дверью.

– Где Маша?

– У родителей. Пока там поживет.

– Она цела?

– Физически.

Сергей отвечал бодрым, залихватским тоном, как крутые парни в кино. Однако чувствовалось: вину за случившееся он уже возложил на старшего брата. Едва ли стоило упрекать его за такие выводы.

Александр прикрыл глаза, сокрушенно покачав головой:

– Простите меня... Все вы. Я... Простите.

– Сынок... – Мать заботливо взяла его за руку.

Сергея устало помассировал лицо ладонью.

– Мы отбились, так что, наверное, все нормально, бро.

Но это только сегодня. В другой раз они подготовятся получше.

– Другого раза не будет, – твердо сказал Александр. – Вопрос решен.

В тесной кухоньке воцарилась тишина. Любой из присутствующих мог предположить, каким именно способом решил вопрос Александр, завалившийся домой посреди ночи с таким видом, будто вернулся с театра боевых действий.

Он видел догадки в их глазах. Но никто не решался озвучить мысли вслух.

– Ну хорошо, – разрядил обстановку Серега. – Тогда вернемся к обсуждению вопроса, который мы мусолили, пока ты дрых: как поступим дальше?

– Тут нечего обсуждать. Вы все на время уедете из Москвы. Июль, у твоих родителей осталась дача под Серпуховом?

– Ну да... – Сотникова немного растерялась.

– Отлично. Тогда я тебя попрошу: отправляйтесь туда, и поживите с месяцок.

– Нам все-таки что-то угрожает? – спросила мать.

– Нет, но я хочу избежать случайностей и перестраховаться.

– Так, погоди, – подняла ладонь Сотникова. – Ты хочешь сказать, мне тоже придется там зависать?

– Именно, – кивнул Александр. – Для тебя это проблема?

– Вообще-то да! Я не могу тупо забить на работу! Я отвезу тетю Таню и Серегу – вообще не вопрос... Но потом вернусь в Москву.

– Прости, Юлек, нельзя, – покачал головой Александр. –

Приютив нас, ты оказалась в зоне риска. А я не допущу, чтобы тебе прилетело задним числом.

Девушка сверлила его недовольным взглядом.

– Саш, ты издеваешься?!

– Я тебя оберегаю.

– Ну пока что это я уберегала тебя. А на работе горит статья, которая саму себя не напишет.

– Если ты о материале про Сухоставского, то она больше не актуальна.

Сотникова слегка прищурилась, склонив голову набок.

– Это еще почему?

– Догадайся с трех раз.

Александр выразительно посмотрел Сотниковой в глаза.

– Тот, о ком я говорил ночью, и был Сухоставский, – сказал он.

– Твою мать... – прошептала Юля.

– А ты сам не едешь? – спросила Тамара Валерьевна.

– Нет, мам... Слишком много вопросов возникнет, если я вдруг исчезну. Тот, кто руководил ночным налетом, – его больше нет. Но мне надо остаться и вести себя как ни в чем не бывало, чтобы ни у кого не возникло подозрений.

Глядя на сына, женщина неуверенно кивнула.

– Я приготовлю сумку...

– Давай, мам.

Тамара Валерьевна покинула кухню и свернула в спальню, прикрыв за собой дверь. «Будет плакать», – подумал Алек-

сандр.

– Ладно, слушайте, – сказал он оставшимся. – Сухоставский мертв. Я сжег его. И людей, которых он подослал, тоже. Думаю, хвосты отрублены, но перестраховка лишней не будет. – Он повернулся к брату. – Сколько их наведальось к вам с Машкой?

– Двое, – ответил Сергей.

– И что с ними?

– Одному точно хана. Второму я хорошенько приложил – не знаю, жив ли он.

– Где тела?

Серега прищелкнул языком.

– А вот тут оказия вышла. Первого чувака я выбросил в окно. Он грохнулся прямо у нашего подъезда в обнимку со стеклопакетом.

– Неаккуратно, – поморщился Александр.

– Ну, извините, – возмутился Сергей, – для меня это, знаете ли, в диковинку! Пришлось импровизировать.

– Так, ребят, стоп! – Теперь уже обе ладони подняла Юлька. – Я не могу поверить в то, что сейчас обсуждается на моей кухне! Сколько вообще народу вы замочили?!

– Недостаточно, – сквозь зубы процедил Александр. – Особенно если найдутся те, кто разговорится о наших конфликтах с Сухим. Ладно, хватит лясы точить. Собирайся, Юль. У тебя вещи с собой?

Вопрос был адресован Сергею.

– Я никуда не еду, – покачал головой тот.

Александр нахмурил брови.

– Что?..

– Посуди сам. Парни, навестившие нас с Машкой, явно наемники, бывшие военные. Я разобрался со своими, ты – со своими, но не факт, что где-то там не бегает стайка таких же головорезов с заказом от Сухого. И раз ты остаешься в Москве, кто-то должен прикрывать твою спину, бро.

– И их – тоже. – Александр указал на Сотникову.

– Пока что Юлия держалась от нас в стороне. Никто не увяжет журналистку с нашей семьей и не станет разыскивать на даче ее родителей. К тому же менты наверняка ищут меня, чтобы узнать, каким образом из нашего окна вывалился вооруженный чувак. Если и я исчезну, они объявят федеральный розыск, или как они в таких случаях делают? Нам разбираться еще и с этим.

Александр молча слушал Серегу. Доводы брата казались логичными. А может быть, он слишком устал, чтобы спорить.

– Где находится Юлькина дача?! – продолжил Сергей. – Под Серпуховом? Мне до нее добраться – минут десять максимум. Я в любом случае буду навещать их каждый день.

– Минут десять?! – удивилась Сотникова. – Ковер-самолет прикупил?

Серега расплылся в ироничной ухмылке.

– Она не в курсе, да?

– Не в курсе чего я?

– Да, я не рассказывал ей.

– О чем ты мне не рассказывал?!

– Обо мне, – помахал рукой Серега.

– Сейчас не время, – покачал головой Александр.

– А по-моему, самое то, – не согласился брат. – Какого хрена, чувак... Девчонка приютила нас в трудный момент. К тому же она наслышана о твоей истории. Пусть и про меня узнает.

– Парни, вы, блин, о чем?! – занервничала Юля.

Александр почесал бровь.

– И почему это всегда происходит впопыхах... – пробормотал он. – Ладно, Юль... Помнишь, ты жаловалась, что твоя статья никому не интересна на фоне «прецедента Анжелики»?

– Допустим.

– Ну... – Александр указал на брата. – Перед тобой – непосредственный участник «прецедента».

Юлия недоверчиво покосилась на Серегу. Тот широко улыбнулся.

– Да ладно... Ты – тот самый левитант? Серьезно?

– Каюсь, грешен, – хмыкнул Сергей.

– Меня из-за твоих выходов отстранили от перспективного расследования.

– Зато я спас ребенка.

– Только это тебя и спасает от большого бабского разноса.

– Я в ужасе.

Она повернулась к Александру.

– А ты, значит, воспламеняешь взглядом?

Александр молча смотрел на девушку. Пауза длилась несколько секунд.

– Ну, допустим, верю, – махнула рукой Юля. – Ваша мама в курсе?

– Нет, – ответил Серега.

– Да, – сказал его брат.

– Так нет или да?

Александр пожал плечами в ответ на удивленный взгляд Сереги.

– Она видела, как я использовал пирокинез. Пришлось все рассказать. В том числе и о тебе.

– Боюсь спросить: что именно видела мама?

– Как я расправился с двумя наемниками.

– Японский кот... – покачал головой Сергей. – И как она это восприняла?

– Скажем так: ей нужно время.

Сергей скрестил руки на груди, погружившись в размышления о матери. Александр обнял Сотникову за плечи.

– Юлек, мы с братом останемся и подчистим хвосты. А вы поезжайте на дачу прямо сейчас, по пути закупитесь всем необходимым. Денег я дам. Серега будет прилетать каждый день и ночевать с вами.

– Саш, работа...

– Пожалуйста, Юль... Сейчас моя семья может рассчитывать только на тебя.

Он смотрел ей прямо глаза. Притяжение между ними было заметно невооруженным глазом.

– Гнусный ты манипулятор, – сдалась Сотникова. – Еще пожелания будут? Пока супер-Юля не упорхнула спасти человечество.

– Пожрать есть?! – взмолился Александр. – У меня желудок уже в тростинку свернулся.

Юля хмыкнула.

– Картошка на сковородке, котлеты – в кастрюле. Состряпала, пока ты спал. Кстати, твой айфон совсем разрядился, я его на зарядку поставила.

Когда Волжанский без стука вошел в кабинет Ледневой, девушка работала с документами. Подняв голову, она одарила незваного гостя холодным взглядом, полным осуждения.

– Стучаться вас не учили?

Вальяжной походкой Артур Валентинович направился к ее столу.

– Я считаю бесполезным ханжеством трату времени на формальности.

– Вы пришли объяснить, почему отсутствовали на утреннем совещании?

– Я был на встрече с агентурным аппаратом.

– Война уж кончилась, а вы все мосты взрываете?

– Война, Оксана Николаевна, – он опустил в кресло напротив, – нам только предстоит.

Леднева прикрыла папку с документами, отодвинула ее в сторону.

– Вы сегодня смотрели новости? – спросил Волжанский. – Видели репортажи о взрыве дома известного политика?

– Слышала краем уха.

– До меня дошел слухок, что взрыв – дело рук *экстры*.

Леднева нахмурила лобик.

– Наш левитант?

– Нет, то был совсем другой психокинетик.

Председатель Специальной комиссии развела руками.

– Тогда в чем вопрос? Президента волнует ситуация с левитантом. Пока он не проявляет интереса к другим инцидентам, мы тоже не станем распыляться.

– У-у, как недальновидно, – покачал головой Волжанский. – Вы предпочтете игнорировать болезнь, вместо того чтобы не дать ей развиться?

– Я предпочту факты, Артур Валентинович. Работа «агентурного аппарата» – это, конечно, хорошо и даже замечательно, но без фактов любой сигнал становится гаданием на кофейной гуще.

– Факты возникнут по ходу расследования.

Леднева откинулась на спинку кресла.

– Так вот чего вы от меня хотите: чтобы я одобрила проведение следственных мероприятий?

Волжанский улыбнулся, повышая градус снисходительности по отношению к более юной начальнице.

– Уважаемая Оксана Николаевна! Я *уже* провожу расследование.

Леднева промолчала, холодно глядя на своего визави.

– К вам я пришел совсем по другому поводу.

– Да неужели?

– Ночным инцидентом заинтересовалась ФСБ. Следствием руководит генерал Эдуард Громов. Слышали о нем? Сейчас он занимает должность заместителя начальника Второй службы.

– Вы работали с Эдуардом Евгеньевичем на Объекте-17, – продемонстрировала осведомленность Леднева. – Генерал Громов – толковый офицер.

– Генерал Громов – тупой солдафон с одной извилиной. Он абсолютно не понимает, с чем имеет дело, и бесконечно далек от специфики вопроса.

– Ух ты, – нахмурилась Оксана. – Вы как будто бы его недолюбливаете.

– Громов заведет расследование в тупик и спутает выигрышные карты.

– Вы хотите, чтобы я запретила ФСБ делать свою работу?

– Никому ничего не надо запрещать. А вот воспользоваться статусом и потребовать от них передачи материалов дела мне – очень даже нужно.

– Плохим аппетитом вы не страдаете, – заметила Леднева.

– Они не в силах разглядеть очевидное. А я двадцать пять лет занимался подобными феноменами и четко уяснил одну деталь: *экстры* всегда сбиваются в стайки.

– Едва ли такое замечание тянет на открытие. Все люди тяготеют к общности.

– Верно. Только у психокинетиков это выражено куда сильнее, чем у нас, простых смертных. Обремененные тяготами дара, они блуждают в поисках себе подобных. И обязательно находят – уж поверьте мне.

– Я не подвергаю сомнению ваш опыт. Я пытаюсь понять, чем вас заинтересовал конкретно этот случай.

– В самом деле не понимаете? – искренне удивился Волжанский. – Сколько времени прошло после «прецедента Анжелики»? Более трех недель? А срок давности нового инцидента – несколько часов. Развяжите мне руки, уберите с дороги ФСБ, и я найду неизвестного *экстру*, а через него выйду на левитанта. Ведь, как я уже сказал, между ними будет связь. Пускай пока незримая, но, уверяю вас, она будет. Ее не может не быть.

Леднева сложила ладони пирамидой, внимательно изучая человека напротив.

– Я обдумую ваши слова, Артур Валентинович.

Волжанский глубоко и терпеливо вздохнул. Все-таки он рассчитывал на блицкриг.

– Думайте быстрее, Оксана Николаевна. Следы не становятся четче.

Несколько долгих секунд они всматривались друг в друга. Затем Волжанский поднялся из кресла, одернул дорогой пиджак и вышел из кабинета.

Сергей аккуратно поставил последний чемодан в багажник желтого «Опеля» и опустил дверцу.

– Вот и все, – отрапортовал он.

Возле машины стояли его мама, брат и Сотникова. Юлька оделась по-походному: джинсы с кедами, серая толстовка. Несмотря на бессонную ночь, девушка была готова отправиться на окраину области.

Александр хоть и посвежел, изничтожив весь стратегический запас котлет и жареной картошки, более походил на вскочившего с бодуна охранника торгового центра, чем на успешного бизнесмена.

Сергея постарался улыбнуться максимально беззаботно.

– Вы как будто на расстрел собрались! Улыбнитесь, барышни. В кои-то веки на дачку смотаетесь, проверите, есть ли еще жизнь за МКАД.

– После ночных походов не удивлюсь, если моя тачка заминирована, – заметила Юля.

– Пф-ф... Это так же вероятно, как и то, что за углом ты встретишь динозавра.

– Пятьдесят на пятьдесят – либо встречу, либо нет?

– Не нужно так сгущать краски.

– О тебе никто не знает, – покачал головой Александр. –

В этом наше преимущество. Ты купил что надо?

– Ага.

Сергея достал из кармана ветровки простейший кнопочный мобильник и зарядное устройство. Протянул Юльке.

– Держи. Сим-карта зарегистрирована на левую компанию, так что пользуйтесь смело. Номер нашего с Саньком телефона я вбил. Как доедете – отзовись. Ну а завтра я сам прилечу, проведу.

Александр приобнял Тамару Валерьевну.

– Ты как, мам?

– Немного потрясывает.

– Ничего, на даче поживете – оно успокоится.

– Ну что, погнали! – скомандовала Сотникова.

– Спасибо за помощь, – подмигнул ей Сергей и протянул кулак. – Ты – вообще бро!

– Да не вопрос, бро! – Юлька ткнула своим кулачком в Серегин кулак.

Александр кивнул давней подруге.

– Еще раз спасибо тебе.

Сотникова не ответила – лишь посмотрела ему в глаза. Несколько мгновений мир существовал только для них.

Когда женщины погрузились в желтое купе и автомобиль резво взял с места, Серега спросил у брата:

– Им реально ничего не грозит?

– Нет. Зато теперь у нас развязаны руки.

– Даже так? Наверное, и план есть?

– Начнем с простого...

«Опель» скрылся за поворотом, братья побрели к подъезду.

– Мне надо вернуться в офис и обозначить, что товарищ Кравчук еще в обойме. Наверняка уже поползли слухи...

– Вангую: когда включишь айфон, тебе набежит сотня пропущенных от секретарши.

– А тебе – от ментов.

– Твою медь... – Серега поморщился. – Вот обязательно было напоминать?

– А ты хотел побегать от проблем?

– Нет, но если постоянно думать о негативе, загнешься еще на старте.

– Думать не надо, а вот держать в голове – полезно. Ладно, я сделаю пару звонков в генералитет. Посмотрим, насколько там все серьезно.

Кравчуки поднялись в квартиру Сотниковой.

– Ну что, по кофейку – и по коням? – предложил Серега.

– Давай. Потом заскочим ко мне. Надо принять душ и переодеться.

Серега вскипятил воду, приготовил две чашки кофе. Александр наскоро помыл посуду. В хлебнице нашелся пакет с печеньем, и, раскрыв его, братья уселись за стол.

– Наконец-то тет-а-тет, – улыбнулся Серега. – Наверняка тебе есть о чем рассказать за плюшками.

Александр достал из пакета несколько печений, положил

рядом со своей чашкой.

– Что, например?

– В последнее время у нас такая насыщенная событиями жизнь! Думаю, с чего бы ты ни начал, все будет в тему.

– Долго рассказывать...

– Вот только не надо фразочек из кино. Говори как есть, разберемся по ходу пьесы.

И Александр поведал брату обо всем, с самого начала: о Ядре, о делишках с Сухоставским, о тайной лаборатории и результатах исследований. На это ушло по две чашки кофе и пакет печенья.

Закончив свою повесть, Александр вдруг понял, как сильно ему хочется курить. Из сигарет нашлась только пачка дамских, забытая Сотниковой. Он достал одну, и, когда зажал ее в зубах, конец папиросы воспламенился сам собой.

Выпустив струйку дыма, Александр довольно улыбнулся:

– Есть все-таки плюсы у пирокинеза.

– А где ты в детстве хранил Ядро? – с задумчивым видом спросил Сергей.

– В нашей комнате. В шкафу, под хоккейной формой.

– В жестяной банке из-под муки? Прямоугольная такая, с нарисованными человечками?

– Ага.

– Она же всегда запаянная была!

– И как ты думаешь – кем?

– Вот ты жучара! Я знал, что с той банкой что-то не так.

Погодь, а ты не боялся, что артефакт может оказаться радиоактивным и на хрен облучить всю семейку Кравчуков?

– Честно говоря, тогда я о таком не подумал.

– Зашибись ответ!

– Чувак, мне было пятнадцать! Я думал только об одном. как понять назначение Ядра.

– А если бы он был радиоактивным?

– Он не радиоактивен.

– Но если бы был?!

– Малой, не напирай! Тебе самому-то не влом предъявлять мне за случай пятнадцатилетней давности?

– Ты поступил безответственно.

– Чертовски безответственно, – согласился Александр. – Но оно того стоило!

– Надо думать... И в какую копеечку тебе обошлись исследования?

– Такие суммы в приличном обществе не называют. Но траты не имеют значения! Помнишь, неделю назад ты распинался о предназначении, высшей цели... Так вот, Ядро – это моя цель. Моя мечта. Я не собираюсь потворствовать разным мистическим бредням... Не высшим силам распорядиться мной. Я создаю возможности. Я прокладываю путь. И я *сам* иду к своей мечте. Артефакт, лаборатория... Они – мое наследие! Мой дар человечеству. Уж поверь, братишка, когда я полностью разгадаю Ядро, оно откроет дорогу в будущее! Я уже вот настолько приблизился к понима-

нию! Мне остался всего один, последний шаг. Я увековечу наш род в умах человечества.

Сергей иронично приподнял бровь.

– Да, ты всегда был непритязателен.

– Какой есть, обратно не влезть, – пожал плечами Александр.

Он сделал последнюю затяжку, потушил бычок в пепельнице.

– Рвем когти? – предложил Сергей, приподнимаясь.

Брат не отреагировал, продолжая с отрешенным видом сверлить окурком доньшко пепельницы. Что-то изменилось в его облике.

– Братюнь, погнали?

– Вчера я убил троих, – вдруг произнес Александр. – До сих пор в ноздрях этот запах горелой кожи.

Сергей сел на место. Он буквально ощущал тоску, нахлынувшую на брата. Еще немного – и она полностью поглотит его, превратив в инертного фаталиста. В ситуации, когда не знаешь, какая опасность подстерегает за поворотом, слабость становится недопустимой роскошью.

– Послушай меня... – Серега подался вперед. – Саня, послушай. Я ведь тоже укокошил одного из них. Ублюдок наставил пистолет на Машу. Он бы выстрелил. Точно тебе говорю: еще мгновение – и он бы нажал на спусковой крючок. Да только не успел – я вытолкнул его в окно. Тоже забрал чужую жизнь. И хочешь знать, что я чувствую?

Александр поднял глаза.

– Ничего! Ни малейших угрызений совести. Мы с тобой поступили правильно. Они пришли в наши дома, угрожали родным. А мы сделали так, как подобает мужчинам – защитили нашу семью. Мы выполнили свой долг. Так что к черту угрызения совести.

Александр неуверенно покачал головой.

– У тебя не было выбора. А у меня был. Я мог не догонять тех двух парней. Мог дать им уйти. Не ехать к Сухому и оставить его живым. Мог бы...

– Эй! – Серега положил руку на плечо брата. – Не мог бы! Если бы ты не сделал этого, они бы пришли вновь. И неизвестно, в какой опасности находилась бы наша мать. Вот об этом тебе надо думать, Санек, – о матери.

Александр криво улыбнулся.

– А ты хладнокровный сукин сын, да?

– Я практичный.

– Практичный он... Ладно, завязываем с мотивирующей хренотой. Я тут старший брат, я должен подтягивать тебе штанишки.

– В данный момент, – ухмыльнулся Серега, – ты – унылое говно. Так что поддерживать морально-психологический климат в подразделении буду я.

Александр выпрямился, потянулся. Выглядел он теперь немного поживее.

– Ну что, домой?

– Домой, – кивнул Серега. – Я хоть щеману пару часиков, а то в глаза можно спички вставлять.

Александр включил заряжавшийся до сих пор айфон. Тут же понеслись сообщения о непринятых звонках.

– Пятьдесят один дозвон, – проговорил он, глядя на дисплей. – И половина номеров – хрен пойми чьи.

Пролистывая сообщения, Александр обнаружил, что один только профессор Гинзбург пытался дозвониться семнадцать раз. Кравчук собрался перезвонить, но физик опередил его.

– Да, Лев Давидович, – сказал Александр, поднося трубку к уху.

– Александр, ну боже мой, где вы пропадаете? – быстро и взволнованно протараторил Гинзбург. – Я с самой ночи пытаюсь до вас дозвониться.

– Был занят. Что-то случилось?

– Еще как случилось! Немедленно приезжайте в лабораторию! У нас ЧП.

– Какое еще ЧП?!

– Приезжайте как можно скорее! Я вас жду!

Кравчук вздохнул, подавляя вспышку раздражения.

– Буду через сорок минут, – заверил он и дал отбой. – Прости, братюнь. Поспать не получится. Едем в лабораторию.

– Что там произошло?

– Понятия не имею. Но я первый раз слышу, чтобы Гинзбург так нервничал.

На территории «КравЛаб» было все вроде бы спокойно. Во всяком случае, охранники вели себя как обычно. Однако стоило братьям спуститься на минус второй этаж, как в ноздри ударил неприятный запах сгоревшей электротехники.

Центральный зал выглядел словно поле битвы автоботов с десептиконами. Треть осветительных приборов была побита, под ногами хрустели осколки. Документы и канцелярскую утварь разметало со столов, а сложнейшее оборудование время от времени искрило. Нетрудно было сделать вывод, что многомиллионная лаборатория, по крайней мере частично, превратилась в хлам.

Сергея присвистнул:

– Теперь понятно, почему твой персональный Хокинг за нервничал. Что-то явно пошло не по плану.

– Где Гинзбург? – резким тоном спросил Александр у первой попавшейся сотрудницы.

Бледная и хрупкая Даша Быковская, чей белый халат практически не отличался по тону от цвета ее кожи, тонким пальчиком указала вглубь зала, откуда к ним уже резво приближался профессор.

– Наконец-то вы приехали, Александр!

– Какого лешего, док? Что вы тут успели натворить?

Лев Давидович бросил неуверенный взгляд на Сергея.

– Это мой брат, Сергей. При нем можно говорить свободно.

– Стучилось непоправимое, – всплеснул руками Гинзбург. – Идемте!

Профессор нырнул в одно из вспомогательных помещений, где царил полумрак, разбавленный лишь светом пары мониторов. Физик пощелкал по клавиатуре и развернул экран к братьям.

Графическая циклограмма: разноцветные окружности с единым центром внутри координатной сетки. Электронные часы в правом верхнем углу.

– Это инфографика спектра Ядра, – пояснил Гинзбург. – Своего рода адаптометрия. Датчики внутри саркофага фиксируют несколько известных нам видов излучений, производимых артефактом, и отображают посредством увеличения либо уменьшения диаметров окружностей. К примеру, красное кольцо – это плотность фотонов, а желтое – электромагнитные колебания...

– Ближе к делу, док, – поторопил ученого Александр.

– Все то время, что мы проводили наблюдения, картина практически не менялась. До минувшей ночи.

Гинзбург щелкнул по клавишам. Время в правом верхнем углу скакнуло до начала двенадцатого. И тут же часть разноцветных колец увеличились в диаметре, едва не залезая за пределы системы координат. По дисплею забегали маркеры, отмечающие активность артефакта.

– Сейчас вы наблюдаете выброс кинетической энергии Ядра, частично приведший аппаратуру в негодность, – ска-

зал Лев Давидович.

– Каков ущерб? – спросил Александр.

Гинзбург вновь защелкал клавишами.

– Вот взгляните.

Изображение на мониторе сменилось. Вместо инфографики братья наблюдали теперь молодого человека, без сознания лежащего на койке в хорошо оборудованной медицинской комнате. К его телу тянулось с полдюжины электродов.

– Это Игорь Окунев. Когда случился выброс, мы приняли решение опустить на саркофаг дополнительный защитный экран. К тому времени автоматика вышла из строя, и приводить механизм в рабочее состояние необходимо было вручную. Простейшая операция – всего лишь потянуть за рычаг. Игорек оказался к саркофагу ближе других и выполнил задачу. Вот только, – стук по клавишам, – какой ценой...

Общий вид палаты сменился крупным планом правой руки пострадавшего. Кравчуки синхронно наклонились к монитору.

– Ни хрена себе... – произнес Сергей.

Кожа на руке Окунева истончилась настолько, что казалась абсолютно прозрачной. Братья отчетливо видели переплетенье мышц и сосудов. И, помимо этого, между большим и указательным пальцами вырос еще один, шестой.

– Вот такой вот ущерб, Александр, – вздохнул Гинзбург. – Мы, конечно, оказали Игорьку посильную помощь, но для

дальнейшего лечения необходимо доставить его в специализированное учреждение.

– У парня вырос шестой палец, – заметил Серега. – В какое учреждение его, по-вашему, надо отправлять?

– Одно такое я знаю. Там не будут задавать лишних вопросов.

– Какая-то подпольная лаборатория?

– Можно подумать, мы работаем у всех на виду, – съязвил Лев Давидович.

– Покажите мне Ядро, – потребовал Александр.

– Простите?

– Ядро, док. Оно же видоизменилось. Я прав?

– Александр, вы слышали, что я говорил?

– Да, док, я вас услышал. А теперь покажите артефакт.

– Мне кажется, вы не до конца осознали...

Александр резко повернулся к физику. Черные глаза полыхнули гневом.

– Я прекрасно все осознаю, профессор, – зашипел он. – Я позабочусь о вашем парне. А теперь, будьте так любезны, покажите, что стало с артефактом!

Гинзбург не дрогнул под напором Кравчука. Он молча смотрел Александру в глаза, непоколебимый перед надвигающейся бурей.

– Так, ну все, разошлись по углам, – вмешался Сергей. – Профессор, и у вас, и у нас с братом ночка та еще была. Все устали и раздражены. Поэтому, дабы избежать боя за титул

чемпиона лаборатории в среднем весе, предлагаю консенсус.

Парень взял со стола листок бумаги и ручку.

– Прошу вас, Лев Давидович, напишите контактный телефон учреждения, куда надо сплавить больного. Пишите-пишите.

Гинзбург нехотя нацарапал координаты на листке, вернул Сергею.

– Отлично. Обещаю созвониться с ними в ближайшее время. А теперь, Лев Давидович, пожалуйста, покажите моему нетерпеливому брату, что приключилось с его ненаглядной вещицей.

Гинзбург колебался. У него накопилось слишком много претензий к Александру. Тем не менее он пытался сохранять благоразумие.

Лев Давидович вывел на экран изображение из саркофага. От увиденного Александра охватила оторопь. Мерцающий золотой кристалл вместо шарообразного куска металла. Он парил над чашей, на которой покоился прежде, будто был теперь не тяжелее пушинки. Размеренный дрейф в безветренную погоду.

– Потрясающе... – вымолвил Александр. – Просто удивительно. Оно расцвело. Что показали исследования, док?

– Исследования? – нахмурил брови Гинзбург.

– Да, результаты исследований. Вы же провели анализ измененного состояния Ядра?!

Лев Давидович неловко улыбнулся, будто только что

услышал дичайшую глупость.

– Александр, вы меня слышали вообще? Пострадал сотрудник лаборатории! Группа деморализована. В конце концов, неисправна часть измерительных приборов. Нам некогда было проводить новые исследования!

Кравчук исподлобья смотрел на ученого. Атмосфера в помещении, что называется, сгустилась, сдавливая голову.

– Вот блин... – успел выдохнуть Серега.

– Что значит некогда, твою мать?! – в следующее мгновение взорвался Александр. – Я плачу вам деньги! Я решаю, работать вам или нет! У нас первый прорыв за 15 лет, а вы ушли на перекур?!

– Извольте, да что вы за монстр такой?! – возмутился пожилой физик. И тем самым подлил масла в костер.

– Молчать!!! – взревел Александр.

Однако стойкий Гинзбург оставался непоколебим.

– Во-первых, не надо на меня орать, юноша. А во-вторых...

Ученый продолжил спорить. Но беда была в том, что он понятия не имел, во что это может вылиться. А вот Серега знал. Более того, он явственно ощущал, как подскочила температура в помещении. Дельце пахло огоньком, причем скоро эта фраза перестанет быть фигурой речи.

– Санек, он прав! – Сергей приобнял брата. – С одним из головастика приключилась запредельная хрень – парню надо помочь.

– Не лезь, – прошипел Александр, не сводя глаз с Гинзбурга.

– Я, конечно, понимаю: ничто не бесит так сильно, как фраза «Тебе нужно успокоиться», но тебе нужно успокоиться. Тут стало *жарко*. Понимаешь, о чем я?!

Александр понимал. И он искренне старался держать себя в руках. Сделав глубокий вдох, он отступил.

– Вот так. Красавчик! – одобрительно кивнул Серега и обратился к Гинзбургу: – Мы все сделаем, док. Вашего парня будут наблюдать лучшие врачи. Постараемся максимально скоро заменить испорченное оборудование. Но оставшиеся члены команды должны вернуться к работе. Добро?

– Это не все, – сказал Лев Давидович.

– В смысле?..

– Ваш брат наконец поведает мне, откуда у него артефакт. Или я распускаю группу к чертям собачьим.

– Да ты совсем... – попер на него Александр.

– Тише-тише, бро, – прихватил его Сергей. – Док, поверьте, это не лучшая идея сейчас.

– Я пытаюсь узнать об этом уже с полгода, юноша. Хватит. Мне надоело блуждать в неведении. К тому же исследования зашли слишком далеко. А мы на сотню световых лет удалились от границ здравого смысла.

– Сотня световых лет... Это далеко вообще?

– Девятьсот пятьдесят триллионов километров.

– Ух ты. Не близко...

– Нет, – отрезал Александр.

– Из-за вашей любимой игрушки едва не погибли мои люди. Вы обязаны уже рассказать, где взяли артефакт.

– Он прав, – согласился Серега. – Ты сам видел того бедулагу в карантине. Да и кому, как не профессору физики, с головы до ног обложенному подписками о неразглашении, рассказать, что с тобой происходит.

Александр покосился на брата. Тот стоял – святая простота. Но именно Серега частенько оказывался голосом разума, когда эмоции брали верх. К тому же Александру очень уж хотелось поддеть строптивного ученого. А рассказы о пирокинезе всегда можно заменить наглядной демонстрацией...

– Ну ладно. – Александр взял со стола несколько листов бумаги, скомкал. – Смотрите внимательней, док.

Он подкинул плотный шарик вверх. Где-то на уровне головы бумага вспыхнула, моментально обратившись в пепел. Профессор охнул, отшатнувшись от пламени.

– Или вот так. Или вот...

Один за другим Александр легонько бросал бумажные шарики во Льва Давидовича, но те не долетали, сгорая на полпути. Когда боеприпасы закончились, Кравчук улыбнулся, довольный, что ему удалось произвести эффект на Гинзбурга. Пожилой ученый часто моргал, осмысливая увиденное.

– Что это за фокусы?!

– Это не фокусы, док, – покачал головой Александр. –

Это пирокинез. Я владею им еще со школы. Однажды я едва не утонул в пруду. Чтобы выжить, пришлось полностью осушить водоем. Артефакт образовался вследствие того неконтролируемого выброса энергии.

– Курица, несущая золотые яйца... – проговорил Гинзбург.

Александр несколько раз кивнул.

– Но это же все меняет... Абсолютно все!

В глазах ученого вновь вспыхнул огонек.

– Так скажите... Сегодняшней ночью вы применяли пирокинез?

Александр покосился на брата, ища подсказки. Тот неопределенно мотнул головой.

– Да, применял. И очень активно.

– Вот и ответ! – воскликнул Гинзбург, который начинал все больше соответствовать образу чудаковатого «головастика». – Ваша связь с Ядром! Все дело в вас! *Вы* должны быть объектом наших исследований, а вовсе не артефакт.

На сухом лице физика заиграла полубезумная улыбка.

– Александр, вы – первопричина одной из величайших загадок на нашей планете.

Братья не нашлись что ответить. А Гинзбург приложил ладонь ко лбу.

– Я в срочном порядке составляю новую карту исследований! Мы обязаны протестировать вас сразу же после замены оборудования.

Александр поднял ладони.

– Ну-ка притормозите, док! Минуту назад вы не хотели иметь со мной дела, а теперь собираетесь наштапковать меня датчиками?! Я не буду мартышкой на проводах. Просто продолжайте работу с артефактом, имея в виду то, что сейчас узнали.

– Александр Николаевич, дорогой вы мой! Больше нет нужды отвлекаться на Ядро! Все ответы находятся внутри вас – и всегда там были!

Пальцы физика забегали по клавиатуре, он начал сверяться с какими-то данными в компьютере.

– И все-таки, док, давайте не будем спешить, – вмешался Серега. – В конце концов, нам еще нужно договориться насчет госпитализации вашего сотрудника, закупить технику... Потребуется время.

– Да-да, госпитализация... – бормотал Гинзбург. – Все это очень грустно... Бедный Игорек... Кстати, не беспокойтесь по поводу содержания предстоящих экспериментов! Большинство из них гуманны и почти безболезненны.

Настроение ученого изменилось в один момент. Сейчас он ни в какую не хотел выпускать братьев из лаборатории и отвлекаться на другие дела. Сошлись на золотой середине: Гинзбург проверит готовность обновленного оборудования, после чего вызовет Александра.

Когда Кравчуки поднялись на поверхность, Сергей спросил:

– Так ты ничего ему не рассказывал? Старик вроде как ученый. В кино именно такие «персы» помогают нашему брату.

Александр был погружен в свои мысли и ничего не ответил.

Моросил дождь, дул прохладный ветер. Молодые люди сели в двухместный BMW. Александр продолжал молчать.

– Земля вызывает пироманьяка. Бро, ты в порядке?

– Что-то не так, – покачал головой Александр. – Я *чувствую* Ядро впервые за 15 лет. Там что-то пробудилось. И внутри меня – тоже. И это охренеть как стремно.

Сергея внимательно смотрел на брата. Нечасто ему доводилось видеть Александра таким уязвимым.

– Мы справимся. Со всем свалившимся на нас безумием.

Еще немного Александр посидел так, осунувшийся, усталый, затем резко взял себя в руки: расправил плечи, вскинул волевой подбородок.

– Так, завязываем с соплями. Некогда скисать. Нам еще человечество вести к светлому будущему.

Он завел мотор. Спорткупе сорвалось с места.

– Ты, главное, не гони, – сказал Серега. – А то светлое будущее резко потемнеет.

До дома они доехали за час. Изрядно вымотанные, оба думали лишь о том, как бы поскорее рухнуть спать.

Александр сразу же прошел в особняк, позвонил нужным людям и принялся договариваться о госпитализации

шестипалого Окунева. Он отверг нацарапанный Гинзбургом номер, предпочтя связаться с другой «проверенной клиникой».

Сергей решил, что в Москве у каждого есть контакты «проверенных клиник», и вышел прогуляться по территории. Нужно было перевести дух после сумасшедших событий минувших суток. Разумеется, он набрел на ту самую лужайку, где его брат расправился с наемниками.

Два человеческих силуэта остались выжженными кляксами на идеально постриженной траве. Неподалеку валялись расплавленные пистолеты. Сергей надолго ушел в размышления и не заметил, как рядом оказался брат, уже закончивший переговоры.

– Как после ядерного взрыва, – сказал ему Сергей. – «Терминатор-2: Судный день». Какую ж температуру ты генерируешь?

Александр покачал головой.

– Не знаю. Но в одном я уверен: это точно не предел.

– Ты, главное, сверхновую не создай в припадке ярости. А то что-то мне подсказывает, это не лучшим образом скажется на Солнечной системе.

Александр был задумчив и хмур.

– Пошли в дом, – сказал он. – Нужно выспаться. Завтра будет много дел.

Черный внедорожник въехал в недра огромного котло-

вана, заставленного старой, местами покрытой ржавчиной техникой. Когда-то, возможно лет пять назад, здесь бурлило строительство. Сейчас же не вспомнить, кто и какие цели преследовал в этом уголке Московской области. А вырытый котлован стал последним пристанищем для пары кранов и экскаваторов.

Внедорожник остановился перед двухэтажным модулем, некогда служившим административным центром стройки. Выбравшись из машины, Артур Волжанский потянул тяжелую дверь и скрылся внутри здания.

Конечно, изнутри строение едва ли походило на офис прораба. Вместо кабинок клерков – круглое помещение из стальных свай и матового стекла. Несколько стеллажей с мощнейшими компьютерами и по меньшей мере пять плазменных телевизоров. Дополнял картину американский рок, орущий из динамиков под потолком. Морщась от громкой музыки, Волжанский прошел в «шайбу», как они условились называть абсолютно круглое помещение. Внутри обнаружился единственный владелец и пользователь забытого административными инстанциями объекта.

Это был парень лет тридцати в красной клетчатой рубашке навыпуск. Он имел русые волосы, педантично зачесанные на пробор, и круглое, слегка полноватое лицо. Сидя в инвалидном кресле, оснащенном механическим приводом с манипулятором на подлокотнике, молодой человек одной рукой клацал по клавиатуре, а в другой сжимал серебристый

вейп с лиловым наполнителем.

Парня звали Герман Песков. Судьба свела молодого человека с Артуром Валентиновичем на стыке десятилетий. В конце «нулевых» оперативная деятельность Волжанского по розыску и вербовке психокинетиков подходила к концу. Юный инвалид оказался крайним из тех, кого бывалый полковник привлек на службу отечеству.

С парализованными от рождения ногами, зажатый и нелюдимый, Песков обладал двумя несомненными талантами: уникальным телепатическим даром и навыками хакера-виртуоза. Сторонившийся мира за пределами своей комнаты, к двадцати годам Герман стал непревзойденным серфером по виртуальным сетям и человеческим душам. Но только полковнику ФСБ удалось привнести в его жизнь самое главное – цель. Отныне у парня имелось представление относительно того, во что ему вкладывать силы. А Артур Валентинович своим предложением, от которого трудно было отказаться, навсегда завоевал расположение нелюдимого хакера-телепата.

Последующие пять лет Герман – или Гера, как частенько обращался к нему Волжанский, – проработал на уровне контрразведки и информационной безопасности. Он расцвел и оперился, беззаботно проникая в хранилища цифровых данных и людские умы с благословения силовых структур. Помимо возможности заниматься «своим» делом, Песков получил и кое-что поважнее – признание. Похвалы вы-

соких чинов и коллег по работе пролились настоящим бальзамом на душу некогда нелюдимого телепата.

Однако Герман никогда не забывал главного: он всем был обязан Волжанскому. Поэтому, когда полковник ушел в отставку и позвал Пескова работать в частном секторе, тот просто не сумел ответить отказом.

На появление Волжанского хипстер никак не отреагировал.

Посмотрев по сторонам, Волжанский нашел пульт управления стереосистемой и выключил звук. Музыка умолкла, а вот три телевизора под потолком – нет. Выпуск новостей, баскетбольный матч и супергеройский фильм – парень в инвалидном кресле, очевидно, пытался следить за всем разом.

– Не громковата музычка, Гера?

Волжанский положил пульт на место, рядом с романом «Человек в высоком замке» Филипа Дика и брошюрой «И-Цзин. Руководство по гаданию» за авторством Эрика Ри.

– Мозги разгружает, – поворачиваясь вместе с креслом, ответил парень. – Иначе будет перегруз. Вы навестили провидца?

– Заскочил до обеда.

– Что он сказал?

– Ничего хорошего. Артефакт эволюционировал.

Парень на мгновение задумался.

– Из-за Кравчука?

– Скорее всего. Что говорит молва про Сухоставского?

Из ниши в спинке инвалидного кресла Песков достал оптическую клавиатуру, расположил ее на неподвижных коленях. Пухлые пальцы забегали по клавишам. На огромном дисплее, расположенном между опорными сваями, замельтешили информационные окна.

– На данный момент в СМИ муссируют две основные версии: самопроизвольный взрыв баллонов с газом и убийство. – Герман докладывал хорошо поставленным голосом человека, осознающего, что можно не торопиться – ему в любом случае позволят сказать. – Первая предложена следствием, вторая выдвинута жильцами поселка. Уже просачиваются упоминания о нелегальной деятельности Сухоставского. А силовики опровергли версию о теракте.

– Труп Сухого нашли?

– Среди обломков найдено обгоревшее тело, но личность погибшего только предстоит установить.

– Да он это, он, – вздохнул Волжанский. – Что еще говорят местные?

Герман затянулся вейпом, выпустил густую струю приторного пара.

– Судя по комментариям соседей Сухоставского в соцсетях и на форумах, официальной версии не верит практически никто. Люди полагают, взрыв был слишком мощным для баллона с газом. Некоторые упоминают подозрительных личностей, сновавших по поселку. Кто-то и вовсе рассказывает о ругани и перестрелке.

– Видеозаписи с телефонов есть?

– Многие говорят об электромагнитном импульсе, который спалил электронику. Телефоны, планшеты, холодильники, камеры видеонаблюдения – все пришло в негодность.

– Как они тогда отписываются в блогах?

– А многие уже дома, в городе.

Волжанский скрестил руки на груди, покачал головой.

– Какой же силой обладает этот Кравчук... Прямо вулкан Кракатау!

– Что все-таки сказал Давид?

– Ночью он ощутил два энергоимпульса. Первый принадлежал крайне мощному *экстре*. Второй – интересующему нас предмету.

Песков пару раз кивнул.

– Это укладывается в мою теорию о взаимосвязи Кравчука и артефакта. Насколько все критично? – спросил он.

– Давид полагает, артефакт породил возмущение в *Ки-поле* Земли, как он это называет. А затем ушел за пределы планеты. Допускает, что скоро возникнут сильные возмущения на Солнце.

Герман сложил ладони пирамидой.

– А вы представляете, сколько психической энергии было затрачено?! Я смотрел репортажи с места взрыва. Повреждения колоссальные! Кравчук – ходячий пластид.

– Да, и теперь об этом знает каждый мало-мальски толковый телепат.

Наклонившись, Волжанский открыл дверцу компактного напольного холодильника. Внутри обнаружилось множество банок с энергетиками и кока-колой. Артур Валентинович недовольно покосился на подопечного.

– Мне нужен допинг, – пожал плечами Песков. – Кофеин ускоряет сенсорику.

Волжанский достал одну из банок, раскупорил, сделал жадный глоток.

– Еще Давид предупредил о том, что скоро в Москву из всех щелей ломанутся психокинетики. Все те, чьи способности позволяют улавливать *рябь* в энергоинформационном поле. Представляешь, какой цирк начнется?

– Они придут за артефактом?

– Разумеется. Некоторые будут пытаться присвоить его.

Герман уверенно покачал головой.

– У нас не получается – и они не смогут.

– У нас *пока* не получается, – поправил Артур Валентинович. – А даровитые паломники подкинут лишней головной боли.

– Думаете, придется вступить с ними в противостояние?

– Да щ-щас вот, – скривился Волжанский. – Артефакт мой – и точка. Мы успеем заполучить его до того, как вся эта шобла выйдет на Кравчука. А вот как сделать так, чтобы супергости столицы сыграли нам на руку, я, кажется, уже придумал.

– Решили задействовать административный ресурс?

– О да! – Волжанский сел на край стола. – Если начнут сильно докучать, я объявлю их вне закона. Ты только вдумайся, какую карту можно разыграть! В самом сердце нашей родины в скором времени придут со всего земного шара люди, обладающие потенциально разрушительными силами. Представляешь, какой «ущерб национальной безопасности и возрождению Руси» они могут нанести! Главное – убедить в этом Ледневу, а она уже и так заглядывает мне в рот.

– Вы бы с ней поаккуратней, – задумчиво проговорил Герман. – Чувствую, девчонка не так проста, как хочет казаться.

Черные глаза Волжанского подозрительно сузились.

– Думаешь, она – *экстра*?

– Не уверен. Чтобы знать наверняка, надо ее *просканировать*.

– Уже некогда, – покачал головой отставной полковник.

– Почему?

Волжанский хлебнул энергетика.

– Давид сказал, нужно спешить.

– Мы остались без Сухоставского – а это был ценный актив. Без него миссия забуксует.

– К черту Сухоставского, – поморщился Артур Валентинович. – По правде говоря, я никогда особо не верил, что многоходовка с Сухим даст выхлоп.

– Она позволяла нам оставаться в тени.

– Мы и так до сих пор в тени, Гера. Ничего не изменилось. Просто немного сменим тактику. Как поживает второй наш

ценный актив?

Герман глубокомысленно почесал подбородок.

– Артем жаждет аудиенции у Эрика. Он заявил, что не пошевелит и пальцем до тех пор, пока лично не встретится со своим связным.

Волжанский фыркнул.

– Очень в духе Лапшина.

– Не знаю, что там в чьем духе, Артур Валентинович, но мне такой расклад не нравится. Он ставит под угрозу статус-кво нашей организации.

– Иногда, Гера, надо рисковать. Отсчет пошел на дни, у нас не осталось времени на хитрые маневры. Пора бить в лоб. Организуй встречу. Здесь.

Парень в инвалидном кресле удивленно выпучил глаза.

– Здесь? Прямо в убежище? Да как так-то?

– А почему нет?! – развел руками Волжанский. – Он такой же *экстра*, как и ты. Мне казалось, представители одного вида должны помогать друг другу.

– Мы помогли ему в *достаточной* степени, Артур Валентинович, – строгим тоном возразил Песков. – Мы обеспечили его оружием, деньгами и транспортом. Для диверсанта с подготовкой более чем достаточно. А привести сюда человека, которого разыскивают все силовые структуры страны, – значит, очень круто подставиться.

– Куда опасней оставлять его во внешнем мире, – парировал Волжанский. – Учти, чем дольше он разгуливает

по Москве, тем ближе к нему подбирается ФСБ. И вовсе не обязательства перед нами удерживают Лапшина в столице, а стремление отомстить. Так что вряд ли все это время он спокойно отсиживался в каком-то подвале. Артем наверняка предпринимал определенные шаги по поиску интересных его личностей. Не исключено, что где-то мог наследить. Особенно стоит учитывать, что за ним по пятам идет Малахов – а ты на собственной шкуре познал, каков он в деле.

Песков насупился, молчаливо выражая несогласие.

– Артем нужен нам куда сильнее, чем Сухоставский, – продолжил Артур Валентинович. – Заставь его работать. Если необходимо посвятить парня кое в какие секреты – что ж, я готов рискнуть.

– Вы угрожаете целостности нашей сети, – глядя Волжанскому прямо в глаза, заявил Герман.

– Я адаптируюсь. В изменившейся ситуации действовать необходимо по-другому. Мягкий вариант себя изжил. Переходим от инь к ян.

Какое-то время мужчины молча смотрели друг на друга, затем Песков отъехал к компьютерам.

– Потом не говорите, что я вас не предупреждал.

– «Потом» может не наступить. Задействуй Артема по максимуму.

– То есть?

– Он участвовал в тайных операциях и умеет развязывать языки. Пускай выяснит у Кравчука местонахождение арте-

факта старым дедовским способом.

Песков, казалось, не поверил услышанному.

– Вы говорите... о пытках?

– Я говорю о необходимых мерах. Абсолютно любых.

– Это слишком радикально. Мы не планировали действовать настолько агрессивно.

– Отчаянные времена – отчаянные меры.

– Лапшин на это не пойдет, – покачал головой Герман. – Одно дело – проникнуть в лабораторию по наводке Сухого. За подобную работу я бы убедил его взяться. Но сейчас вы говорите о задачах совсем иного рода. При таком раскладе он развернется и уйдет, послав нас куда подальше.

Волжанский приблизился к инвалиду, тяжело нависнув над ним.

– Но ты же сумеешь заинтересовать его... Эрик.

Тон наставника не понравился молодому человеку.

– Чем? – спросил он. – Кроме весьма условного должка за помощь в побеге, нам нечем его удержать. У Лапшина нет ни детей, ни родителей, ни карьеры – ничего, что можно использовать. Мы не имеем рычагов давления на него.

Волжанский вдруг обаятельно улыбнулся.

– Я бы поспорил. Видишь ли, когда не можешь запугать нужного человека – дай то, чего он хочет.

Герман вопросительно изогнул брови.

– Громов и Малахов наступают нам на пятки. Расследование гибели Сухоставского протекает под надзором Эди-

ка. Сегодня я предпринял кое-какие меры для того, чтобы немного их притормозить, но эффект будет временным. С каждым днем мои бывшие коллеги представляют для нас все более реальную угрозу.

– К чему вы клоните?

– Артем жаждет мести. Он спит и видит, как поквитается с нами троими. Поэтому, когда наш бесстрашный воин придет сюда, пообещай ему кое-что. Скажи, что, если он добудет артефакт Кравчука, ты выдашь местоположение товарищей Малахова и Громова.

Песков заметно удивился словам своего наставника.

– Но... он же их убьет.

На мгновение Волжанский задумался, а потом пожал плечами:

– Вот и славно. Смерть Громова дезориентирует следствие, уход Володи Малахова лишит его «глаз». Артем получит желаемое, а мы выиграем дополнительное время для завершения нашей миссии. Ты же помнишь: мы должны успеть спасти мир.

Песков неуверенно крутил в руках вейп.

– Да, но... они же ваши друзья!

Волжанский сделал жадный глоток из алюминиевой банки.

– Отчаянные времена, Гера. Отчаянные времена.

Глава вторая.

Сомнения и недоверие

Взаимодействие. Свершение.

Благоприятна стойкость.

Братъ жену – к счастью.

«Книга Перемен»,

тридцать первая гексаграмма «Сянь»

Эдуард Евгеньевич Громов, затаив дыхание, сидел в кабинете шефа, генерал-лейтенанта Горелика. Он внимательно следил за выражением лица Михаила Викторовича, пока тот перелистывал рапорт о происшествии в доме Сухоставского. Физиономия начальника Второй службы оставалась бесстрастной. Наконец он перевернул последний лист, снял очки и устало помассировал лицо.

– Значит, психокинетик, «воспламеняющий взглядом»? – уточнил Горелик.

– Так сказал Данилыч.

– И кто он такой?

– Неизвестно. Мы его морды лица не рассмотрели.

– Камеры наблюдения?

– Сгорели. Субчик излучает электромагнитные волны.

В радиусе километра всю электронику пожгло. Записи погорели вместе с серваками.

– Как удобно...

– Мы надеялись, кто-нибудь заснял его на мобильник, но телефоны жильцов поселка тоже все накрылись.

– Понятно... Какие шаги предприняты?

– Ребята сейчас проверяют конфликты Сухого, его последние проекты. Что-то да всплывет.

Горелик иронично ухмыльнулся.

– Его грохнул парнишка, обладающий пирокинезом. Что за проекты он вел? Создание суперсолдата?

– Психокинетика могли нанять конкуренты Сухого.

– Наемный убийца-супермен? Эдуард Евгеньич, сплюнул бы... Еще, не дай бог, журналюги такую идею подцепят. Кстати, с ними поработали?

– Короткое замыкание, повлекшее взрыв баллонов с газом в подвале.

– Он там на «Северном потоке» сидел, что ли?! – фыркнул Горелик.

– Вполне себе рабочая версия, – развел руками Громов. – Еще будут разговоры о заказухе, но они со временем пропадут из новостей.

Горелик откинулся в кресле, покачал головой.

– У тебя нет ощущения, что мы находимся в каком-то фантастическом романе, где в следующей главе полезут мутанты из параллельного мира?

Громов скупно улыбнулся.

– Вот галиматъи с попаданцами не будет точно.

– Летающий парень месяц назад, теперь это... Почему они вдруг объявились в одно и то же время?

– У Данилыча есть своеобразная теория, но тебе она вряд ли понравится.

– Много эзотерической чуши?

– Много эзотерической чуши, – кивнул Эдуард Евгеньевич.

Михаил Викторович глубокомысленно вздохнул, как бы прикидывая, готов ли он слушать про эзотерическую чушь. Решил, что нет, не готов.

– А где, ты сказал, сейчас Володя?

– Он захотел поработать в одиночку.

– Чего вдруг?

– Я думаю, наше дело становится для него личным. Все больше психокинетиков выходит на сцену, понимаешь...

Горелик нахмурился.

– Это не станет проблемой?

– Мы говорим о Данилыче. Он самый хладнокровный воин из всех, кого мне доводилось встречать. Холодильник растает рядом с Вовкой.

– Будем надеяться... Ладно, ты извини, ко мне люди сейчас придут. Держи в курсе. Если твои нароют что-то – сразу сообщай.

Эдуард Евгеньевич покинул кабинет начальника. Решив размять ноги, он направился к выходу через лестничный пролет.

Проходя мимо лифта, Громов на мгновение встретился взглядом с выходявшей из кабины Оксаной Ледневой. Одетая в светло-голубой брючный костюм девушка на высоких каблуках, компенсировавших невыдающийся рост, легко проплыла мимо генерала. На какую-то секунду в ее лице промелькнула искорка узнавания.

Громов и Леднева никогда не были знакомы лично. Эдуард Евгеньевич имел представление о главе Специальной комиссии по расследованию «прецедента Анжелики» только по рассказам коллег и из выпусков новостей. Тем не менее, видимо, и она так же заочно знала генерала Громова.

Остановившись возле выхода на лестницу, Эдуард Евгеньевич обернулся и успел увидеть, как Леднева свернула в приемную генерала Горелика. Задержавшись на секунду и прикинув что-то в уме, Громов толкнул дверь выхода.

Спустившись на два этажа, он зашел в свой кабинет и быстро поднял трубку разрывающегося телефона.

– Слушаю. Громов.

– Эдуард Евгеньевич, приветствую. Шадрин беспокоит.

– Здравствуй, Никит.

– Эдуард Евгеньевич, подскажите, вам знакомо имя Максим Сущенко?

– Да, знакомо.

– Это же благодаря его наводке год назад удалось взять нашего бывшего сотрудника?

– Так точно, а почему ты спрашиваешь?

– Дело в том, что он по сводке прошел. Три дня назад Сущенко был найден мертвым у себя в автосервисе. Обстоятельства выясняются. Но уже есть фотография подозреваемого. Так вот, человек со снимка уж больно похож на того самого спецназовца... Такое может быть?

– Пришли снимок мне, – резко ответил Громов. – Срочно!

– Я понял, Эдуард Евгеньевич. Отправляю человека.

– Давай. Я у себя.

Громов положил трубку и нервно потер ладони, ощутив всплеск адреналина.

Убийство Сущенко вполне укладывалось в план мести Лапшина. В конце концов, именно Макс в свое время донес на Артема. Досадная мысль, что Громов даже не вспомнил о стукаче, из-за которого Лапшина удалось взять без шума и пыли, кольнула его совесть. Серьезный, очень серьезный просчет!

Через двадцать минут к Громову прибыл сотрудник Шадрина. Снимок, сделанный камерой наблюдения напротив автосервиса Сущенко, не отличался высоким качеством, тем не менее в человеке, вылезавшем из окна, Громов таки узнал бывшего подопечного.

Десять минут спустя в кабинете замначальника Службы собралась когорта руководителей ключевых подразделений. Работа закипела с новой силой.

Александр Кравчук звонко опустил трубку телефона

на рычаг, обозначив завершение десятиминутного разговора. Выглядел он несколько удрученным.

– Вопрос решен, – задумчиво произнес молодой человек.

Сидевший в кресле напротив Сергей пытался понять реакцию брата.

– Это ведь хорошо, да?

– Хорошо-то оно хорошо... Только решено не мной.

– А кем?

– В том-то и вопрос...

Братья находились в офисе «КравТех». Выспавшиеся и посвежевшие, они были готовы к решению свалившихся на них житейских задач.

Александр был одет в бордовую рубашку и черный костюм. Сергей – в джинсы, серый пиджак и голубую рубаху навыпуск.

– То есть ты утверждаешь, что какой-то левый чувак просто взял и отмазал меня у следователя?

– Не совсем отмазал. Тебе предстоит встретиться со следком, подписать какие-то бумажки... Но в целом – да, ты не проходишь как подозреваемый. И как свидетель тоже.

Сергея присвистнул.

– По ходу, у меня тайный покровитель.

– А в мышеловке сыр всегда бесплатный, – огрызнулся Александр. – Я сам потолкую со следком и выясню, кто это такой сердобольный на него вышел.

– Ну а я тем временем могу ходить по улицам, не опасаясь,

что меня скрутят опера?

Александр криво ухмыльнулся.

– Ты рожу-то свою видел? Вылитый уголовник в бегах. Я б тебя у каждого столба тормозил.

– Ой, чья б корова мычала! Ты не думаешь, что со дня на день «копчики» к тебе самому наведаются?

– С какого перепугу?

– С такого, что в поселке Сухоставского наверняка плюнуть некуда – попадешь в камеру наблюдения. А значит, они и рожу твою срисовали, и номер тачки.

Александр опустил в кресло и принялся задумчиво мять кистевой эспандер.

– Номера я заклеил. Насчет рожи – есть маза, что вся видеобазы в поселке погорела. Короче, нет моей рожи у полицейских.

– А дядька, с которым ты схлестнулся?! Уж он наверняка тебя разглядел.

– Во-первых, было темно. А во-вторых, даже если разглядел – что дальше? Он же не знает, кто я такой.

Сергея фыркнул.

– Чувак, твою физиономию уже почти месяц по всем каналам крутят.

– Ага, в научных репортажах. Кто сейчас следит за прогрессом?! Шансы, что дедок наткнется на видосы обо мне – меньше, чем комариный...

Александра прервал гудок селекторной связи.

– Да, Викуль, – сказал Кравчук, нажав кнопку интеркома.

– Александр Николаевич, к вам посетитель.

– Я же сказал, чтобы...

– Он *нетипичный*.

– В смысле?

– Он просит передать, что принес вещь, которую вы на медни обронили во время совместной пробежки.

Внутри у Александра все обмерло. Он напряженно посмотрел на брата.

– Что еще? – спросил тот.

– Запускай, – скомандовал Александр и отпустил кнопку. – Это он.

– Кто?

– Дядька, с которым я схлестнулся. Приперся прямо сюда.

Сергей подобрался в кресле. Дверь в кабинет открылась, и плавной бесшумной походкой в помещение вошел Владимир Данилович.

Александр поднялся над столом, исподлобья изучая незваного гостя. Простецкие брюки и бежевая ветровка, похожая на ту, которую во время спарринга подпалил Кравчук, немного сбивали с толку. Ясные светлые глаза бегло изучали обстановку.

Сергея развернуло в кресле, столь же внимательно рассматривая Малахова.

Владимир Данилович остановился возле стола и поздоро-

вался:

– Добрый день, молодые люди.

Александр промолчал.

– Драсьте, – кивнул Серега.

Из кармана ветровки Малахов достал черную маску.

– Это ваше, – сказал он Александру и положил вещь на стол.

По широким скулам старшего брата прокатились желваки.

– Позвольте представиться, – как ни в чем не бывало продолжил профессор. – Меня зовут Владимир Малахов. Я ученый, занимаюсь исследованиями в области экстрасенсорики.

Сергей быстро перевел взгляд на брата. Тот оставался неподвижен. Малахов мимолетно улыбнулся.

– И я знаю, что вы пирокинетик.

Александр выпрямился в полный рост.

– А вот сейчас, уважаемый ученый, я попрошу тебя помолчать.

Он выдвинул нижний ящик стола, достал миниатюрный пеленгатор радиопередающей аппаратуры. По форме устройство напоминало ручную радиостанцию.

Малахов спокойно покачал головой.

– Уверяю вас, прослушки на мне нет...

– Да мне плевать, в чем ты там нас уверяешь, – бесцеремонно прервал его Александр.

Он обошел стол, приблизившись к Малахову. Серега под-

нялся из кресла, готовый «включиться» при малейшей опасности.

– Руки разведи.

Малахов подчинился повелительному тону хозяина кабинета. Александр кивнул на замшевые перчатки.

– Замерз?

Малахов промолчал. Кравчук принялся водить детектором вокруг тела профессора. Прибор ничего не выявил.

– Теперь мы можем поговорить? – спросил Владимир Данилович, опуская руки.

– Нет.

Александр вернулся за стол, спрятал детектор, достал частотный подавитель сигналов. Положив приборчик на центр стола, щелкнул кнопкой включения.

– В наше время нельзя быть уверенным на все сто, правда? – не без иронии заметил Малахов. – Вы позволите присесть? Колени уже не те. Ноют после спарринга.

– Садись, – кивнул Александр.

– Благодарю.

Малахов опустился в кресло, вытянув ушибленную правую ногу, что Александр отметил не без удовольствия.

– Ты отмазал моего брата? – спросил он.

– Я, – спокойно ответил Владимир Данилович. – Следователь Гордонов – весьма дотошный человек. Думаю, вам сейчас не нужна лишняя головная боль.

– Ты же не считаешь, что теперь мы твои должники?

– По правде говоря, Александр, это я пришел просить вас об одолжении.

Братья переглянулись.

– Как вам удалось добиться, чтобы следак отстал от меня? – быстро спросил Сергей.

Малахов поправил очки.

– Технически он не совсем отстал от вас, Сергей. Не забудьте в ближайшее время заглянуть к нему и ответить на кое-какие вопросы.

– Откуда ты знаешь наши имена?

– Википедия, – едва заметно улыбнулся Владимир Данилович.

– Ты из прокуратуры? – задал вопрос Александр.

– В настоящий момент работаю на ФСБ. Я оказываю конторе содействие в розыске одного лица. Около недели назад в Москве совершил побег особо опасный преступник. Как и вы, Александр, он обладает уникальной психокинетической силой. Поиск данного субъекта привел нас к Сухо-ставскому.

Александр откинулся на спинку кресла, методично разминая эспандер.

– Как он-то связан с твоим делом?

– Всеволод Петрович проявлял интерес к нашему человеку и являлся одним из организаторов его побега.

– О как! – присвистнул Кравчук. – Довольно странный ход для сверхосторожного Сухого.

– Видимо, он полагал, что игра стоит свеч.

– И с чем играл Сухой?

– *Вы* мне скажите, – пожал плечами Малахов. – Почему вы в тот вечер пришли к своему знакомому и сделали то, что сделали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.